

УДК 343.1

НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

© Михаил Юрьевич ДВОРЕЦКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и процесса, e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

Рассмотрены направления оптимизации ответственности за преступления на современном этапе противодействия преступности в Российской Федерации. Предметом исследования выступает комплекс теоретических и практических проблем уголовной ответственности, ее понятие, основание, система форм, видов, их реализация и эффективность в отечественной уголовно-правовой теории, законодательной и правоприменительной практике.

Приводится исторический и уголовно-правовой анализ отечественного уголовного законодательства, в т. ч. мнений известных ученых по рассматриваемой научно-практической проблеме. Достижение поставленной цели обеспечивалось решением ряда исследовательских задач. Прежде всего, это – изучение поэтапной истории возникновения и становления уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» в отечественной общей теории права и отраслевом законодательстве. Также это – анализ и сравнение использования отечественным законодателем уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» в Уголовном кодексе Российской Федерации с нормами современного уголовного законодательства зарубежных государств соответствующим образом.

В итоге предлагается законодателю разработать концептуальные направления совершенствования государственной политики, норм УК РФ, обеспечивающего эффективную реализацию уголовной ответственности. Имеется критический анализ норм ныне действующего отраслевого законодательства, вносяся предложения по его оптимизации в контексте повышения эффективности форм и видов реализации уголовной ответственности на современном этапе реформирования УК РФ.

Ключевые слова: эффективность; оптимизация; виды наказания; иные меры уголовно-правового характера; уголовная ответственность; Уголовный кодекс Российской Федерации; эффективная реализация уголовной ответственности.

Уголовная ответственность является средством оценки государством общественно-опасных человеческих действий и бездействий, способом официального реагирования на них его органов и должностных лиц. Она выступает методом активного воздействия на конкретных лиц, виновных в совершении определенного преступления и превентивного предупредительного влияния на других граждан-правонарушителей, на всех законопослушных членов общества. Именно данные обстоятельства дают возможность нам выделить основное ее функциональное назначение и место, занимаемое ей в уголовно-правовой политике и соответствующей отрасли законодательства. Представляется, что оптимальная реализация этих функций предполагает, прежде всего, наличие ее соответствия декларируемым законодателем уголовно-правовым принципам: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. Поскольку именно они и

обеспечивают надлежащее ее осуществление в действительности. А именно ее эффективность. Так, например, несоблюдение в полном объеме неотвратимости уголовной ответственности в значительной мере снижает авторитет и силу воздействия уголовного закона, его общий предупредительный потенциал и исправительно-воспитательное влияние на виновных лиц, безусловно, отрицательно влияя на всю имеющуюся систему борьбы с преступностью в Российской Федерации. С целью исследования причин и факторов, не позволяющих эффективно последовательно претворять его в жизнь, в первую очередь нам необходимо оценить содержание уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности.

Поскольку в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике уголовная ответственность часто отождествляется с наказанием, выступающим неотъемлемым условием наиболее результативной борьбы с

преступностью, то, соответственно, фактическое наличие в законодательстве системы вариантов освобождения от данных негативных правовых последствий, широкое их практическое применение дает возможность усомниться в эффективности и дальнейшей их неизменной необходимости. В.Н. Кудрявцев и Б.М. Лазарев констатируют: «Наличие системы так называемого гибкого реагирования. При умелом использовании которой повышается эффективность борьбы с преступностью» [1]. По мнению же А.Е. Сахарова, институты освобождения от уголовной ответственности и наказания с их заменой мерами административного и общественного воздействия теоретически недостаточно обоснованы и практически неперспективны [2]. Данные умозаключения по большей части носят гипотетический характер, т. к. отсутствуют репрезентативные данные, обобщения судебно-следственной практики и основанные на них комплексные научно-практические исследования, убедительно свидетельствующие о социальных последствиях и влиянии на уровень преступности применения этих уголовно-правовых институтов. Нам представляется, что сама их система в структуре УК РФ крайне противоречива и непоследовательна по своему внутреннему содержанию, поскольку предполагает наличие следующих антагонистических обстоятельств: 1) она законодательно оправдана только лишь в отношении отдельных виновных в совершении преступления лиц, изначально гуманна и политически престижна для государства и общества; 2) в общественном сознании и психологии людей она вызывает крайне негативный резонанс; 3) отрицательно влияет на установки должностных лиц правоохранительных органов, не обеспечивая в полном объеме адекватного и соответственно столь необходимо эффективного их реагирования на совершаемые отдельные преступления и существующую преступность в целом. Поэтому зачастую под производным от их реализации нравственно-психологическим влиянием обнаруживается фактическое доминирование либерально-гуманистических тенденций, складывается такая обстановка в правоприменительной практике, когда за совершение крайне общественно-опасных для интересов личности, общества деяний виновные наказывались

мерами административного либо дисциплинарного воздействия вместо положенного уголовного наказания. Все это, в комплексе с имеющейся высокой латентностью, сохраняющейся низкой раскрываемостью преступлений, вполне логично приводит к появлению, в т. ч. у законопослушных граждан, устойчивой убежденности в возможности избежать уголовной ответственности и наказания. Соответственно, правоохранительные органы, суды и должностные лица, обязанные осуществлять уголовное преследование и отправлять правосудие, испытывают систематическое и определенно негативное психолого-эмоциональное давление, влияющее на объективность и правильность их квалификации содеянного, проявление субъективизма.

Поскольку уже совершенное общественно-опасное деяние декриминализировать никому не дано, то преступление требует конкретного правового официального государственного реагирования, заключающееся в привлечении виновного лица к уголовной ответственности. По мнению Н.С. Малеина, принцип неотвратимости уголовной ответственности должен быть закреплен в уголовном законе без всяких оговорок [3, с. 50]. Несмотря на то, что отечественный законодатель это уголовно-правовое положение сформулировал в Основах уголовного законодательства 1991 г., он алогично не воспроизвел его аналогичным образом в УК РФ 1996 г.

На наш взгляд, вполне оправдано также и сохранение уголовно-правового института освобождения от наказания в виде проявления к отдельным лицам, совершившим преступление небольшой тяжести, снисхождения и прощения, фактической замены наказания принудительными мерами воспитательного воздействия, медицинского характера, административного и общественного принуждения. З.А. Астемиров констатирует наличие следующих обстоятельств: «Незыблемым должен быть при этом и принцип неотвратимости уголовной ответственности, означающий обязательное возбуждение уголовного дела по факту преступления. Привлечение лица, его совершившего, в качестве обвиняемого, предание его суду, судебное разбирательство дела. И, что самое главное, признание подсудимого виновным, его официально публичное порицание и опорочение. Только за этим может следовать проявление

снисхождения и прощения в виде неназначения наказания либо условного осуждения или применения «гибкого реагирования» в виде замены наказания иными мерами воздействия, не являющимися наказанием и не влекущими судимости. Следовательно, решение столь важного вопроса в каждом конкретном случае должно быть предоставлено только суду» [4]. Представляется, что законодателю следует соответствующим образом скорректировать УК РФ. Прежде всего, необходимо обеспечить нормативное освобождение от наказания на основании не общей нормы, а в отношении конкретных составов преступлений, оговорив это в санкциях соответствующих статей Особенной части УК РФ. Поскольку альтернативная возможность применения мер общественного воздействия вместо наказания была предусмотрена в статьях Особенной части УК 1960 г., то законодателю целесообразно возобновить данное правовое положение. По нашему мнению, этот вариант разрешения проблемы несколько не будет умалять роль реализации гуманистического потенциала законодателя, соответствуя уголовно-правовым принципам законности и справедливости, равенства граждан перед законом, повышение предупредительно-профилактического воздействия института уголовной ответственности в целях реализации ее неотвратимости.

Фактическое осуществление этого положения также в значительной мере состоит в практической организации оптимального выявления и раскрытия преступлений и эффективного расследования уголовных дел, избличения виновных лиц и отправления правосудия. Соответственно обстоятельства, которые препятствуют процессу, находятся в данной области судебно-следственной практики. Во-первых, стабильна высокая естественная или искусственная латентность отдельных групп преступлений. Поскольку даже зарегистрированные органами внутренних дел преступления не раскрываются, лица, совершившие их, не обнаруживаются вследствие серьезных недостатков в работе органов предварительного расследования, плохого ведения ОРД, неоптимальной и неэффективной организации следствия и дознания, то, соответственно, информация о наличии высокой латентности отечественной преступности является вполне доступной для

всего населения: как законопослушных граждан, так и для правонарушителей. Во-вторых, согласно сложившейся ситуации, первые систематически выражают досаду и недовольство, обоснованные упреки в адрес правоохранительных и судебных органов, отвергая необходимость сотрудничать с ними в каком-либо объеме. В-третьих, у правонарушителей первоначально появляется чувство безнаказанности, постепенно развивающееся в устойчивую асоциальную мотивацию, переходящую в определенные криминальные установки, приводящие к совершению конкретного общественно опасного деяния или нескольких преступлений.

На наш взгляд, логически обоснованная реализация положения о неотвратимости уголовной ответственности должна полностью соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступного деяния и личности субъекта преступления. Именно это означает полную и всестороннюю квалификацию преступных действий или бездействий, избличение лиц виновно их совершивших, обеспечение возмещения всего причиненного ими морального и материального ущерба, конфискацию имущества. Поскольку если не удастся разрешить эти первоочередные задачи или они решаются не до конца, то не обеспечивается неотвратимость уголовной ответственности, а если даже он и осуществляется, то последовательно и не в полном правовом объеме. Представляется, что именно эти обстоятельства на протяжении многих десятилетий систематически обеспечивают рост отечественной преступности в ее максимально организованных формах, постоянно продуцируют социальную напряженность в обществе вне зависимости от сменяющихся социально-экономических формаций и политических режимов. Наряду с этим, актуализировалась задача поиска социумом оптимального механизма эффективного противодействия коррумпированности государственного аппарата, включая правоохранительные и судебные органы в целях фактической, а не декларативной реализации уголовной ответственности.

В отечественной теории уголовного права в настоящее время не так много монографических исследований, комплексно анализирующих как само понятие реализации уголовной ответственности, так и ее формы и

этапы. Так, Н.А. Стручков в работе «Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью», опубликованной во второй половине XX в., данное определение, его место и роль в уголовно-правовом понятийно-терминологическом аппарате вообще не изучает [5]. Он более конкретно рассматривает его в своих последующих публикациях [6]. По мнению А.И. Санталова, формы реализации ответственности состоят в разного рода уголовно-правовых отношениях [7]. В свою очередь, И.С. Ретюнских констатирует наличие следующего обстоятельства: «Материальной формой реализации уголовной ответственности является применение судом к виновному уголовно-правовой нормы (одной или нескольких). В результате чего реализуются права и обязанности государства и лица, действительно совершившего данное преступление» [8, с. 23]. Наряду с ней, как он считает, «имеется и процессуальная ее форма в виде вступившего в законную силу обвинительного приговора суда» [8, с. 23].

На наш взгляд, понятие реализации уголовной ответственности и ее формы окончательно и нормативно унифицировать нельзя, т. к. ее содержание изначально предполагает относительно постоянное обновление, вследствие изменения тех правовых отношений, где она осуществляется. По нашему мнению, прежде чем анализировать ее уголовно-правовую составляющую, необходимо исследовать этимологию слова «реализация» с точки зрения его происхождения и значения. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, аналогичное по звучанию, рассматриваемому нами слово «реализовать» в соответствующем значении означает «осуществлять, исполнять на деле...» [9, с. 87]. В «Словаре иностранных слов» под ним понимается: «...осуществлять, приводить в исполнение» [10, с. 429]. В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой оно растолковывается как «осуществиться, исполниться» [11, с. 671]. Таким образом, отечественная филологическая наука традиционно придерживается практически одинаковой позиции по трактовке слова «реализация». Под реализацией права понимается процесс воплощения определенных юридических предписаний в конкретных правомерных действиях отдельных граждан, органов, организа-

ций, учреждений, должностных лиц и всех иных участников правоотношений. Соответственно, реализацией уголовной ответственности выступает должное реагирование на виновно совершенное общественно опасное деяние и принятие к данному лицу предусмотренных УК РФ мер уголовно-правового воздействия. Поскольку законодатель нормативно формулирует в законе также обстоятельства, связанные с институтами освобождения от уголовной ответственности, то возникает определенная проблема, когда она заменяется принудительными мерами воспитательного воздействия. Именно она им разрешалась в содержании ст. 51 УК РСФСР 1960 г., где предусматривалось освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности. При освобождении от нее с передачей материалов дела в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних, а также передачей виновного на поруки лицо, совершившее преступление, не оставалось вне ее реализации, только осуществляя совсем в иной правовой форме. Так как имела место административная или общественная ответственность, то виновное лицо отвечало за совершенное им деяние уже перед единоличным народным судьей или товарищеским судом, комиссией по делам несовершеннолетних, общественной организацией или трудовым коллективом.

Поскольку перечисленные варианты были сформулированы законодателем в УК 1960 г., то, соответственно, они выступали специфическими уголовно-правовыми институтами, не реализовавшими собственно уголовную ответственность, но осуществлявшими при этом другие ее формы. По мнению С.И. Зельдова, все предусмотренные законом государственные меры реагирования в отношении лиц, совершивших преступление, следует объединить категорией «уголовно-правовые меры воздействия», которой бы соответствовал принцип «неотвратимости реагирования на совершенное преступление», т. е. неотвратимости ответственности, если под нею понимать любую форму реагирования [12, с. 58]. Так как в этих рассуждениях нет противоречий, то согласно им можно проанализировать эффективность норм УК РФ в отношении применения принудительных мер воспитательного воздействия и

иных мер уголовно-правового характера. З.А. Астемиров констатирует: «Понятия «уголовная ответственность» и «уголовно-правовая ответственность» неоднозначны». Первое понятие содержательно уже, чем второе, является его частью, а второе шире, потому что охватывает и иные формы реагирования, ответственности в уголовном праве. Реализация ответственности, предусмотренной уголовным законом, носит как правоприменительный, так и процессуальный и исполнительный характер, без чего и нет ответственности реальных отношений, в которых она проявляется. При осуществлении не собственно уголовной, а иных форм уголовно-правовой ответственности процессуальная и исполнительная стороны носят упрощенный характер, она приобретает административно-правовое очертание. В то время как реализация уголовной ответственности, в собственном ее смысле, обычно проходит, все стадии уголовного процесса и охватывает еще сферу уголовно-исполнительной деятельности» [13]. Априори реализация уголовной ответственности уже возможна с момента совершения общественно опасного деяния, а началом ее фактического осуществления является привлечение лица в качестве обвиняемого. Некоторые авторы говорят: «Соответственно, это не только формально-процессуальное обстоятельство, согласно УПК. А также и начало принципиально нового морально-психологического и правового состояния лица, пока не признанного судом виновным, но которому официально уведомленным об его обязанности отвечать за преступление» [14, с. 32]. Именно поэтому при наличии определенного виновного, совершившего конкретное преступное деяние, данное лицо приобретает новый правовой статус на основании соответствующего решения суда, первоначально как подозреваемый, а затем уже в качестве обвиняемого и осужденного. Так, по представлению Н.А. Огурцова, меры процессуального принуждения связаны с уголовной ответственностью, с материальным ее содержанием [15].

Представляется, что известной изменчивости уголовно-правовых отношений соответствует разнообразие форм реализации уголовной ответственности, осуществляющейся через определенные хронологические и содержательные этапы. Н.С. Лейкина гово-

рит: «Существуют три стадии реализации уголовной ответственности: Привлечение лица к уголовной ответственности; Назначение наказания; Исполнение наказания» [16]. В целом, соглашаясь с этой классификацией, З.А. Астемиров констатирует: «Как отсутствие в ней института судимости, так и его связи с уголовной ответственностью» [4, с. 60]. Согласно положениям, имеющимся в отечественной науке и доминирующей позиции, институт судимости также выступает отдельным этапом реализации уголовной ответственности [17]. В соответствии с данной классификацией, первоначально в правоотношениях уголовной ответственности, носящих, прежде всего, уголовно-процессуальный характер участвуют участники, которыми являются государственные органы, должностные лица, физические и юридические лица, наделенные конкретными правами и обязанностями и реализующими их. Затем уже суд, определяя характер и содержание уголовной ответственности, устанавливает виновность подсудимого, ее степень [18]. Именно он реализует ее в конкретном виде наказания, оценивая и материально определяя его, независимо от назначенного условного осуждения. На последующем этапе исполняется наказание, т. к. отбывающий его или условно осужденный несут уголовную ответственность, тем самым восстанавливая социальную справедливость, исправляясь и предупреждая совершение новых преступлений [19]. Правовой статус осужденного лица, его состояние как носителя уголовной ответственности в этой стадии ее реализации определяется характером и размером назначенного судом наказания, а также конкретным режимом его отбытия. Он корректируется законодателем и соответствующими органами, исполняющими наказание согласно тому, исправляется ли осужденный, можно ли констатировать наличие возможности не совершения им в дальнейшем новых преступлений, т. е. достигнуты на данном этапе цели наказания, сформулированные законодателем в ст. 43 УК РФ. Поскольку после фактического отбытия наказания бывший осужденный получает новый правовой статус, будучи судимым до ее погашения или снятия, то, соответственно, в этих уголовно-правовых отношениях объектом является уголовная ответственность, которая определяет

их содержание. Положение ранее осужденного и судимого лица предполагает выполнение им нормативно предусмотренных в контексте реализации уголовной ответственности, в меньших объемах по сравнению с предыдущими этапами лишения и ограничениях, проявляющихся в определенных, не выгодных для него нравственно-психологических и правовых последствиях. Сторонами в правоотношениях судимости выступают судимое лицо и государство, от имени которого он и был осужден. Соответственно, при их реализации осуществляется правомерное ограничение государственными органами его прав и интересов, состоящее в установлении и проведении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, изменяется содержание правоотношений, поскольку уголовно-правовые виды преобразуются в административно-правовые. Согласно положениям п. 5 ст. 86 УК РФ, «Если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, то по его ходатайству суд может снять с него судимость: До истечения срока погашения судимости». Следовательно, при решении вопроса о досрочном снятии судимости в данные правоотношения вступает суд в соответствии с УПК РФ. Несмотря на это, реализация уголовной ответственности предполагает применение наказания, фактическое обстоятельство не позволяет нам констатировать их тождественность.

Поскольку правовую категорию «уголовная ответственность» некоторые ученые и непрофессионалы часто объединяют с понятием «наказание», а под ее реализацией предполагают только лишь назначение определенной уголовно-правовой санкции, то, соответственно, это приводит к дестабилизации понятийно-терминологического аппарата. Данное обстоятельство отражает обозначенную нами проблему необходимости более четкого разграничения в действующем УК РФ смежных уголовно-правовых институтов, диалектически взаимосвязанных по своей правовой сути, но при этом нетождественных по содержанию и нереализованному потенциалу. Границы ее фактической реализации имеют более представительную сущностную характеристику, чем наказание, т. к. законодательно уголовная ответственность только на определенном этапе своего осуществления включает в свою структуру назначение и

исполнение конкретного вида наказания. Советский законодатель, согласно ч. 3 ст. 50 УК РСФСР 1960 г., предусматривал ее фактическую реализацию и без назначения наказания. В соответствии с санкциями ст. 94, 97, ч. 2; ст. 112, 123, ч. 1; ст. 128, ч. 1; ст. 130, ч. 1; ст. 131 Особенной части вместо него применялись меры общественного воздействия. Следовательно, предусматривалось освобождение от нее, хотя виновное лицо при этом и не несло определенного вида наказания, претерпевая иные меры уголовно-правового воздействия. В случае же освобождения от наказания решением суда после судебного разбирательства уголовного дела имело место специфическое ее проявление, заключавшееся в признании лица виновным, в его официальном порицании государством и предостережении. Соответственно, поскольку наказанию оно ни подвергалось, судимость у него не наступала, то решением суда окончательно прекращались и имевшиеся уголовные правоотношения.

Во внутреннюю природу, безусловно, входит наказание, выступающее критерием ее эффективной реализации на определенном этапе применения. Как в негативном плане, так и в позитивном контексте, предусматривая уголовную ответственность за конкретное общественно опасное деяние, добиваясь законопослушного поведения людей, законодатель, определяя санкцию, дает ценностную оценку охраняемого объекта и устанавливает количественно-качественную меру правового воздействия на право субъектных лиц. По мнению А.А. Пионтковского, наказание выступает как «материальное выражение ответственности лица за совершенное преступление» [21, с. 42]. Представляется, высказанная в УК законодателем угроза определенной уголовно-правовой санкцией является наиболее действенным правовым средством, обеспечивающим правомерное поведение правосубъектных лиц за счет декларирования, прежде всего, позитивных последствий уголовной ответственности. Вполне логично негативные последствия своего неправомерного, преступного поведения и у виновных в их совершении лиц, как правило, связаны в нравственно-психологическом плане с наказанием, его отдельными видами, но не с уголовной ответственностью. Весьма закономерно восприятие обывателей освобождения

от наказания лиц, совершивших преступления и привлеченных к ней, в качестве гуманизации уголовно-правовой политики, и опосредованно негативно влияя на эффективность общего предупреждения отдельных преступлений и преступности в целом.

А.Э. Жалинский констатирует, что уголовная ответственность:

а) представляет собой юридическую конструкцию, смысл, цели и сфера применения которой законодателем не установлены с достаточной определенностью (во всяком случае, реальные различия между ответственностью и наказанием по характеру претерпевания неясны; они проявляются только в виде процессуального порядка и последствий освобождения от уголовной ответственности и наказания);

б) охватывает, как институт «Уголовная ответственность», обязанность нести последствия совершенного преступления, т. е. состояние ответственности деятеля; право публичной власти, имеющей соответствующую компетенцию, в конечном счете, суда, объявлять деяние преступлением, а его субъекта обязанным отвечать за последствия своего деяния, при условиях и в мере, предварительно установленных уголовным и уголовно-процессуальными законами; определение меры ответственности и ее реализацию судом и соответственно претерпевания осужденным;

в) подлежит обоснованию и процессуальному отражению на всех стадиях своего существования или применительно ко всем элементам, т. е. в процессе привлечения лица к уголовной ответственности и претерпевания (исполнения) уголовной ответственности.

Именно из этих обстоятельств, по представлению А.Э. Жалинского, и вытекает несколько правовых последствий: «Уголовная ответственность охватывает все меры уголовно-правового воздействия, известные уголовному закону. Является правовым последствием совершения уголовно запрещенного деяния при наличии многих предпосылок и условий, как материальных, так и процессуальных» [21, с. 395]. Далее он обозначает целый ряд межотраслевых проблем уголовного и уголовно-процессуальных законодательств, связанных с ее основанием и реализацией: «Следовательно, возможность признания лица виновным и соответственно назначения (применения) мер уголовной от-

ветственности должна быть подготовлена до суда и представлена суду стороной обвинения». В уголовном процессе это реализуется путем уголовного преследования. Его ядро как раз составляет обвинение лица в совершении преступления. Без этого суд не может постановить ни обвинительный, ни даже, строго говоря, оправдательный приговор. Именно здесь и возникает первая группа вопросов, причем сугубо практическая: каким должно быть содержание обвинения в материальном смысле, что должно в него входить? Достаточно ли для формулирования обвинения того, что рассматривается как «основание уголовной ответственности»? На этой основе правоприменитель вынужден решать: а что обосновывает приговор суда, хватит ли для этого признаков состава? Именно этот вопрос, скорее всего, побуждал и ранее к более широкому понятию вины. По ст. 8 УК РФ им, т. е. основанием уголовной ответственности, является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Вокруг основания уголовной ответственности, как известно, велась острая полемика, а самому этому сюжету придавалось нравственное, юридическое и принципиальное политическое значение, от чего, разумеется, суть дела не менялась. Общий смысл полемики состоит в определении значения понятия «основание уголовной ответственности», а от решения этого вопроса зависит и определение его содержания, т. е. того, что именно является основанием. Впрочем, можно полагать, что в правовом плане основание уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ есть указание лишь на возможность привлечения к уголовной ответственности, т. е. на упречность, ввиду существования для этого необходимой предпосылки – совершения преступления, а именно деяния, содержащего все (а не некоторые) признаки состава преступления. Но такого понимания уголовной ответственности для ее реализации не достаточно в силу действующих норм УК и УПК РФ. По действующему уголовному закону в существующих уголовно-процессуальных рамках сторона обвинения не может ограничиться только установлением всех признаков состава преступления, а суд не может в соответствии со ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения на-

казания» действительно наказание назначить» [21, с. 396-337]. По его мнению, такое положение традиционно для советского и российского уголовного законодательства; оно никогда не было иным. Но в силу неясных причин, возможно инерции, в теории постоянно противопоставлялись выводы суда о квалификации деяния, признании его преступным, его же выводам о справедливом наказании. Более того, до сих пор пытаются опровергнуть широкое понимание вины, высказанное в советской литературе профессором Б.С. Утевским, ссылкой на то, что в таком случае якобы смешиваются понятия «основание ответственности» и «индивидуализация ответственности». Это возражение совершенно неосновательно. Можно соглашаться с профессором Б.С. Утевским или нет, но он рассуждал именно об основаниях, т. е. о том, что лежит в основе решения, позволяет его принять; следовательно – основания в данном случае – это факты, реалии. Индивидуализация наказания есть процесс принятия решения, которому должно быть предпослано основание [21, с. 397-398].

А.Э. Жалинский, констатируя существование актуальной научно-практической межотраслевой проблемы, предлагает следующее: «Во избежание не мнимой, а действительной путаницы в уголовном праве и уголовном процессе следует, как и в любой отрасли права, четко различать уровень сущего (онтологический), т. е. деяние, и существующую ситуацию, обстоятельства совершения деяния, личность деятеля, включая его психическую деятельность, поскольку она может быть значима для уголовного закона; уровень должного (нормативно-правовой)». То есть описание в законе реакции на нее, которые выделяют то, что имеет уголовно-правовое значение, и определяют это значение. То есть по формулировке ст. 9 УК РФ «Действие уголовного закона во времени» (на наш взгляд, более удачной, чем «центральная» формулировка, предусмотренная ч. 2 ст. 2 УК РФ) определяют преступность и наказуемость деяния, и уровень познания (гносеологический). То есть предписанные или подразумевающиеся правила при принятии решения на правовой основе, полученной в уголовно-процессуальном порядке информации о сущем и ее выражении в понятиях должного. Это значит, что:

а) основанием (неважно, одним или несколькими) уголовной ответственности по УК и УПК РФ, а отнюдь не по теоретическим соображениям, являются факты, получившие уголовно-правовую, нормативную оценку, т. е. выраженные нормативно и смоделированные для обоснования решения об уголовной ответственности (вне решений суда нет уголовной ответственности), как любое другое правоприменительное решение;

б) все структурные элементы содержания решения об уголовной ответственности или другого правоприменительного решения должны базироваться на фактах, т. е. иметь свое основание.

Исходя из этого можно полагать, что правовое основание необходимо именно только лишь для установления возможности применения уголовной ответственности в ее связи с отдельным уголовно-правовым запретом, но не для наполнения ответственности реальным содержанием, т. е. для определения содержания обязанности претерпевания;

в) нормативно-определенные факты должны быть наделены соответствующим правовым значением и представлены суду либо в отдельных случаях – иному субъекту уголовно-правового решения. Например, об освобождении от уголовной ответственности в той же форме, что и совершение общественно-опасного деяния, содержащего все признаки определенного состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Это порождает необходимость в материально-правовой конструкции, охватывающей такого рода факты по критерию их релевантности к определению возможности возложения уголовной ответственности и к ее содержанию. Иными словами, либо в УК РФ нужно ввести формулировку, по сути, однопорядковую с содержащейся в ст. 8 УК РФ, но более корректную. В свою очередь, либо убрать такие формулировки из УК РФ, передав их определение уголовно-правовой теории. И, наконец, либо иметь и законодательную, и доктринальную формулировки. Первый вариант нужно осуществить путем дополнения ст. 8 УК РФ, например положением «и иные признаки, определяющие характер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, либо освобождение от уголовной ответственности и наказания». Но пока в УК РФ подобные изменения не вно-

сятся, а ст. 8 не дорабатывается, шансы на такие изменения невелики» [22, с. 398]. Затем он максимально конкретизируют свои предложения отечественному законодателю: «...необходимо доктринальное решение. Оно связано с обращением к понятию уголовно-правового упрека или в современной терминологии к упомянутому выше понятию «обвинение в материальном смысле» или «уголовно-правовое обвинение», а на этой базе – к понятию основания уголовно-правового обвинения. При этом предполагается определенное и в принципе крайне полезное сближение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных институтов. Обвинение в материальном смысле позволяет суду ответить при постановлении приговора на вопросы, предусмотренные п. 1-9 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. Эти вопросы соотносятся с основанием уголовной ответственности в смысле ст. 8 УК РФ, но сформулированы шире, выходят за пределы этой статьи, в частности, когда речь идет о том, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление, имеются ли смягчающие или отягчающие обстоятельства» [22, с. 399].

Именно поэтому отечественный законодатель и правоприменитель в настоящее время должны оптимально выбирать наиболее эффективную меру уголовно-правового воздействия на виновное лицо, или освобождение его от наказания, чтобы не противоречить, прежде всего, задачам и принципам, декларируемым в УК РФ. Таким образом, наибольшие концептуальные проблемы в уголовно-правовой теории и правоприменительной практике производны от несовершенства законодательных конструкций, имеющих в УК РФ, требуют от научной общественности поиска необходимого и оптимального решения задач эффективной реализации уголовной ответственности. Следовательно, во-первых, весьма проблематично понять сущность и перспективность категории «уголовная ответственность» без ее взаимосвязи с институтом «наказания». Во-вторых, непосредственная ее реализация без назначения наказания или с помощью иных мер уголовно-правового характера выступает явлением специфическим, не находящим систематического подтверждения в правоприменительной практике. В-третьих, гипотетические попытки отдаления уголовной

ответственности от наказания, непоследовательная ее реализация, приведут к неэффективности ее самой, декларативности норм УК РФ, провозглашающих данный институт, и дискредитации уголовно-правовой политики Российской Федерации в целом.

1. *Кудрявцев В.Н., Лазарев Б.М.* Дисциплина и ответственность: пути укрепления // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 74-75.
2. *Сахаров А.Е.* Планирование уголовной политики и перспективы развития уголовного законодательства // Планирование борьбы с преступностью. М., 1982. С. 10-11.
3. *Малеин Н.С.* Неотвратимость и индивидуализация ответственности // Советское государство и право. 1982. № 11.
4. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 8. С. 55-56.
5. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1977.
6. *Стручков Н.А.* О наказании, системе его видов и иных мерах уголовно-правового воздействия // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 91-102.
7. *Санталов А.И.* Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982. С. 58-59.
8. *Ретюнских И.С.* Уголовная ответственность и ее реализация. Воронеж, 1983.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. 4.
10. Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 429.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой М., 1999.
12. *Зельдов С.И.* Уголовно-правовые меры воздействия как форма реализации принципа неотвратимости ответственности // XXVI съезд КПСС и укрепление законности и правопорядка. М., 1982.
13. *Астемиров З.А.* Уголовная ответственность // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 8. С. 55-56.
14. *Курляндский М.* Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965.
15. *Огуцов Н.А.* Юридические факты и ответственность в советском уголовном праве // Проблемы уголовной ответственности и наказаний в свете решений XXVII съезда КПСС. Рязань, 1987. С. 44-57.
16. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968.
17. *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 53-54.

18. Щербаков В.В. Уголовная ответственность и ее основание: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1992.
 19. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России (История и современность): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Самара, 1999.
 20. Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Советское государство и право. 1967. № 12.
 21. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.
 9. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M., 2006. T. 4.
 10. Slovar' inostrannykh slov. M., 1988. S. 429.
 11. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedovoy M., 1999.
 12. Zel'dov S.I. Ugolovno-pravovye mery vozdeystviya kak forma realizatsii printsipta neotvratimosti otvetstvennosti // KhKhVI s"ezd KPSS i ukreplenie zakonnosti i pravoporyadka. M., 1982.
 13. Astemirov Z.A. Ugolovnaya otvetstvennost' // Entsiklopediya ugovolnogo prava. SPb., 2007. T. 8. S. 55-56.
 14. Kurlyandskiy M. Ugolovnaya otvetstvennost' i mery obshchestvennogo vozdeystviya. M., 1965.
 15. Ogurtsov N.A. Yuridicheskie fakty i otvetstvennost' v sovetskom ugovolnom prave // Problemy ugovolnoy otvetstvennosti i nakazaniy v svete resheniy KhKhVII s"ezda KPSS. Ryazan', 1987. S. 44-57.
 16. Leykina N.S. Lichnost' prestupnika i ugovalnaya otvetstvennost'. L., 1968.
 17. Osipov P.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugovolno-pravovykh sanktsiy. L., 1976. S. 53-54.
 18. Shcherbakov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Saratov, 1992.
 19. Sakaev A.I. Sistema nakazaniy po ugovolnomu pravu Rossii (Istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Samara, 1999.
 20. Piontkovskiy A.A. O ponyatii ugovolnoy otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1967. № 12.
 21. Zhalinskiy A.E. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz. M., 2009.
-
1. Kudryavtsev V.N., Lazarev B.M. Distiplina i otvetstvennost': puti ukrepleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1981. № 6. S. 74-75.
 2. Sakharov A.E. Planirovanie ugovolnoy politiki i perspektivy razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva // Planirovanie bor'by s prestupnost'yu. M., 1982. S. 10-11.
 3. Malein N.S. Neotvratimost' i individualizatsiya otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 11.
 4. Astemirov Z.A. Ugolovnaya otvetstvennost' // Entsiklopediya ugovolnogo prava. SPb., 2007. T. 8. S. 55-56.
 5. Struchkov N.A. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu. Saratov, 1977.
 6. Struchkov N.A. O nakazanii, sisteme ego vidov i inykh merakh ugovolno-pravovogo vozdeystviya // Aktual'nye problemy ugovolnogo prava. M., 1988. S. 91-102.
 7. Santalov A.I. Teoreticheskie voprosy ugovolnoy otvetstvennosti. L., 1982. S. 58-59.
 8. Retyunskikh I.S. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya. Voronezh, 1983.

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

UDC 343.1

DIRECTIONS OF LEGISLATION PERFECTION OF REALIZATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY: PROBLEMS OF HOME THEORY AND LEGAL APPLIED PRACTICE

Mikhail Yuryevich DVORETSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Professor of Criminal Law and Process Department, e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

The directions of optimization of responsibility for crimes at the present stage of crime struggle in Russian federation are considered. The object of research is the complex of theoretical and practical problems of criminal responsibility, its notion, base, system of forms, types, its realization and efficiency in home criminal-legal theory, legislative and legal applied practice.

A historical and criminal-legal analysis of home criminal legislation including famous scientists of considered scientific practical task is given. The achievement of stated aim is supported by the decision of a row of research tasks. First of all, it is studying stage by stage history of appearing and development of criminal-legal category "criminal responsibility" in home general theory of law and branch legislation. Also it is analysis and comparison of the use by home legislator of criminal-legal category "criminal responsibility" in Criminal Code of Russian Federation with norms of modern criminal legislation of foreign states by certain way.

In the end it is offered to legislator to develop the conceptual directions of perfection of state policy, norms CC of RF supplying the effective realization of criminal responsibility. There is a critical analysis of norms of present branch legislation, the offers of its optimization within rise of efficiency of forms and types of realization of criminal responsibility at the present stage of reformation of CC of RF are given.

Key words: efficiency; optimization; types of punishment; other measures of criminal-legal character; criminal responsibility; Criminal Code of Russian Federation; effective realization of criminal responsibility.